

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 4, pp. 685–696, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (47) 07

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-685-696

Самовольные переселенческие рыбацкие поселки на калмыцких землях (вторая половина XVIII–XIX в.)

Сергей Степанович Белоусов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-7614-3516. E-mail: sbelousovtlista@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Белоусов С. С., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье проанализирована государственная политика в отношении самовольных рыбацких поселений на калмыцких землях во второй половине XVIII–XIX в. Изучение данной темы позволяет глубже понять процессы исторического развития прикаспийских территорий Калмыкии и в целом российского Прикаспия. Главная цель статьи — раскрыть содержание государственной политики на протяжении второй половины XVIII–XIX в. в отношении самовольных переселенцев на калмыцких землях Прикаспия. В этой связи ставятся задачи: выявить причины возникновения самовольных переселенческих поселков, исследовать динамику государственной политики, определить национальный, сословный и профессиональный состав переселенцев, проанализировать взаимоотношения властей и жителей поселков. При написании статьи использовались историко-генетический и историко-сравнительный методы, а также опубликованные источники, материалы Российского государственного исторического архива, Государственного архива Астраханской области, Национального архива Республики Калмыкия. *Результаты.* Автор исследовал обстоятельства возникновения каждого из самовольных рыбацких поселений, рассмотрел их национальный, сословный и профессиональный состав, раскрыл содержание политики властей в отношении их. Изучение обстоятельств возникновения переселенческих рыбацких поселков на калмыцких землях показало, что их образование было связано с развитием рыбной отрасли и отчасти с реализацией государством военно-полицейских задач на побережье Каспийского моря. Серьезно проблемами самовольных рыбацких поселений власти начали заниматься с середины XIX в., когда начались преобразования в рыбной отрасли. В конце XIX – начале XX в. поселки были выведены из-под управления калмыцких властей и легализованы, после этого было проведено их административно-территориальное и земельное устройство, окончательно завершившееся во втором десятилетии XX в. *Выводы.* Автор пришел к выводу о том, что политика властей в отношении самовольных рыбацких поселений на калмыцких землях отличалась от той, которая проводилась в других районах Калмыцкой степи. В Мочагах власти не настаивали на ликвидации самовольных поселений и предлагали их жителям свои варианты решения проблемы,

и только если самовольные переселенцы отвергали предложенные им условия пребывания на калмыцких землях, поднимался вопрос о выселении нелегальных переселенцев. В основе такой политики по отношению к самовольным поселениям прибрежной полосы Каспийского моря, и Мочагов в частности, лежали интересы рыбной отрасли, которые могли пострадать в случае сноса поселков и переселения их жителей.

Ключевые слова: переселенческая политика, Калмыцкая степь, Мочаги, рыбацкие поселки, самовольные переселенцы

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А-19-119011490038-5).

Для цитирования: Белоусов С. С. Самовольные переселенческие рыбацкие поселения на калмыцких землях (вторая половина XVIII–XIX в.) // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 4. С. 685–696. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-685-696

Unauthorized Fishing Settlements of Migrants in Kalmyk Lands, Mid-18th and 19th Centuries

*Sergey S. Belousov*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-7614-3516. E-mail: sbelousovelista@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Belousov S. S., 2021

Abstract. Introduction. The article *aims at* analyzing the state policy regarding unauthorized fishing settlements of migrants on the Kalmyk pastures in the period between the second half of the 18th and 19th cc. to better understand the processes of historical development of the Caspian territories of Kalmykia and of the Russian Caspian region. Accordingly, the lines of research were as follows: to examine the causes for unauthorized settlements and the dynamics of the state policies in the region, to study the migrants (settlers) in terms of the ethnicity, social class, and occupation, as well as their relationship with the authorities. *Data and methods.* The study was based on materials of the Russian State Historical Archives, the State Archives of the Astrakhan Region, the National Archives of the Republic of Kalmykia, and published sources. Both historical-genetic and historical-comparative methods were employed for the analysis of the data. *Results.* The author investigated the history of each of the unauthorized fishing settlement, the migrants' backgrounds in terms of ethnicity, social class, and occupation, and the government's policies in relation to the migrants. The study shows that such settlements were related to the growth of fishing industry in the region and, partly, to the government's military and policing practices on the coast of the Caspian Sea. The authorities began to deal seriously with the problem of unauthorized fishing settlements on the Kalmyk pastures from the mid-19th century, with the start of transformation in the fishing industry. At the turn of the 20th century, the settlements were removed from the control of the Kalmyk authorities and were legalized, then, the process of their administrative-territorial and land structuring was started to finally complete in the second decade of the 20th century. *Conclusions.* The policy of the authorities in relation to unauthorized fishing settlements on the Kalmyk pastures differed from that in other areas of the Kalmyk steppe. In Mochagi, the authorities did not insist on the removal of such unauthorized settlements and negotiated with the settlers, and only if the latter rejected the proposed solutions for staying on the Kalmyk pastures, the question about their eviction was raised. Such policies on the problem of settlements on the coastal strip of the Caspian Sea, namely in Mochagi, were justified by the interests of the fishing industry to prevent any harmful effect in case of removal of villages and their inhabitants.

Keywords: resettlement policies, the Kalmyk steppe, Mochagi, fishing villages, unauthorized migrants (settlers)

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490038-5 ‘Sociopolitical and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes’.

For citation: Belousov S. S. Unauthorized Fishing Settlements of Migrants in Kalmyk Lands, Mid-18th and 19th Centuries. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (4): 685–696. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-685-696

Введение

Во второй половине XVIII–XIX в. в северо-западной береговой части Каспийского моря образовалась сеть рыбацких поселений, большинство из которых основали самовольные переселенцы из верхневолжских и центральночерноземных губерний. Самовольные поселения отличались от обычных селений тем, что не имели административно-правового статуса, утвержденных местными органами управления, своего земельного надела, их жители не платили налогов и не несли повинностей. Они располагались на землях — казенных, находящихся в собственности частных лиц или в пользовании кочевников.

Многие годы власти не обращали на них особого внимания, негласно позволяя им существовать, пока в середине 1860-х гг. не началось реформирование рыбной отрасли. Преобразования в рыбном деле не могли не затронуть самовольные рыбацкие поселения, поскольку жизнь их обитателей изначально была связана с рыболовством. При решении вопроса самовольных ловецких поселков на калмыцких землях власти вынуждены были учитывать особенности их правового статуса и учитывать интересы калмыцкого населения. По этой причине политика властей в отношении самовольных рыбацких поселков на калмыцких землях имела свои особенности.

История самовольных рыбацких поселков Прикаспия во второй половине XVIII–XIX в. в отечественной историографии разработана слабо, при этом большинство работ написаны в досоветский период. Наибольший вклад в исследование данной темы внесли И. И. Михайлов, П. О. Зубович и А. М. Никольский [Михайлов 1856; Зубович 1896; Никольский 1898], в работах которых содержится много ценной информации по истории возникновения поселков и отношению к ним властей, уделено внимание

сословному и национальному составу поселений и организации их самоуправления.

Важные проблемы развития рыболовства на Каспийском море в XVIII–XIX вв. отражены в трудах К. Н. Лебедева и О. А. Гримма [Лебедев 1863; Гримм 1896]. В их книгах прослеживается история становления законодательства по рыбной отрасли, приводятся различные точки зрения и подходы, в том числе по вопросу самовольных рыбацких поселков.

Также представляют интерес для исследователя работы министров государственных имуществ М. Н. Островского и В. И. Вешнякова [Островский 1892; Записка статс-секретаря 1899], определявшие во время своего руководства министерством правительственный курс в отношении рыболовства, первый посетил в 1891 г. Калмыцкую степь, а второй в 1898 г. — Каспийские рыбные промыслы.

Интересные сведения о возникновении поселков, их жителях и занятиях собрали православные священники, среди которых в первую очередь следует отметить И. Покасова [Покасов 1909; Покасов 1911] и П. Реверсова [Реверсов 1879], опубликовавших на страницах журнала «Астраханские епархиальные ведомости» статьи по истории своих приходов.

В советский период государственная политика в отношении самовольных рыбацких поселений не была объектом самостоятельного изучения. Из работ, вышедших в послевоенный период, следует отметить статью П. Д. Сангаджиева, М. У. Монраева, в которой кратко изложена история Лаганского рыбацкого поселения [Сангаджиев, Монраев 1981].

Краткий обзор трудов по истории самовольных рыбацких поселений Калмыкии показывает, что данная тема в отечественной историографии разработана слабо. Между тем исследование данной темы не-

обходимо, так как позволяет добавить еще один штрих в изучение переселенческой политики в национальных регионах России. С данной темой тесно переплетены вопросы формирования населения, имперской политики в национальных районах, миграционная проблематика и др. Исследование также обогащает наши знания о формировании стационарных поселений и населения в приморской части Республики Калмыкия.

Главной целью статьи является раскрытие содержания государственной политики на протяжении второй половины XVIII–XIX в. в отношении самовольных переселенцев на калмыцких землях Прикаспия. В этой связи ставятся задачи: выявить причины возникновения самовольных переселенческих поселков, исследовать динамику государственной политики, определить национальный, сословный и профессиональный состав переселенцев, проанализировать взаимоотношения властей и жителей поселков.

Материалы и методы

Основными источниками для написания статьи послужили материалы Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Астраханской области (ГА АО) и Национального архива Республики Калмыкия (НА РК). Архивные документы включают переписку органов государственной власти, прошения жителей поселков, исторические справки о возникновении самовольных рыбацких поселений. Кроме того, использованы материалы Полного собрания законов Российской империи и статистические сведения Астраханского губернского статистического комитета, публиковавшиеся в ежегодных памятных книжках и отдельных сборниках.

Исследование проводилось с опорой на историко-генетический и историко-сравнительный методы, что сделало возможным изучить политику властей в динамике и в сравнительном аспекте.

Возникновение рыбацких поселков

Появление рыбацких поселений на калмыцких землях связано с развитием рыболовецкой отрасли и с военно-политическими интересами России на Каспии. Поселки возникли в Мочагах — местности, расположенной в юго-восточной части дельты

р. Волги, примыкающей к Каспийскому морю. Данная территория изрезана многочисленными протоками и заливами, между которыми находятся возвышенности, покрытые глинисто-песчаными и песчаными почвами. В Мочагах заниматься земледелием и скотоводством, вследствие указанных особенностей рельефа и плохого качества почв, сложно и невыгодно, поэтому и местное, и пришлое население трудилось в основном в сфере рыболовства.

Калмыков Мочаги привлекали тем, что в суровые зимние месяцы здесь можно было в камышах укрыть и прокормить свой скот, кроме того, бедные калмыки благодаря рыболовству находили себе здесь пропитание. Постепенно в Мочагах сложилась своеобразная группа постоянно проживавших на Каспийском побережье и занимавшихся рыболовством калмыков. В конце 1840-х гг. ее численность составляла приблизительно 5 000 кибиток. Для управления ими и надзора Комитет Министров России учредил 1 марта 1827 г. должность специального пристава и определил к нему в помощь толмача и 25 казаков. В его распоряжение также была передана лодка [ПСЗ РИ 1830: 219].

Одним из первых в Мочагах возник пос. Седлистый. Он начинался с крепости, заложенной в 1722 г. в устье р. Чулпан во время похода императора Петра I в Персию. Крепость выполняла роль опорного военного пункта в волжской дельте и одновременно являлась перевалочной базой для снабжения российских войск продовольствием и материалами. Внутри ее построили провиантские магазины, казарму, тюрьму и другие необходимые для военных нужд помещения. В 1801 г. в пос. Седлистом власти открыли таможенную, предназначенную для предотвращения контрабандного провоза соли, рыбы и других товаров. Она проработала до конца 1840-х гг., после чего была упразднена [Ровинский 1809: 334].

Во второй половине XVIII в. рядом с крепостью и таможней стали обосновываться на постоянное место жительства привлеченные выгодами от занятия рыболовством купцы, мещане, крестьяне и вышедшие в отставку солдаты. По сведениям А. И. Ровинского, в первые годы XIX в. их насчитывалось 32 двора [Ровинский 1809: 334].

В 1856 г. в поселке проживали 42 семьи, из которых 26 относились к мещанскому

сословию, 3 — к купеческому, и 13 семей являлись государственными крестьянами. Все мещане и одна купеческая семья происходили из жителей г. Астрахани, государственные крестьяне переселились из Астраханского уезда, две купеческие семьи — из г. Красный Яр Астраханской губернии [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 104. Л. 83]. Большинство жителей поселка вели лов рыбы самостоятельно, меньшая их часть нанималась на промыслы купцов Сапожниковых.

С государственными интересами связана также история основания пос. Бирючья Коса. Калмыки называли остров, на котором располагался поселок, — *Шарих*, что в переводе с калмыцкого языка означает «желтое болото», русские прозвали остров Бирючьей Косой [Покасов 1911: 653].

Автор статьи по истории поселка священник И. Покасов пишет: «До заселения острова эти места представляли из себя бесплодные пустыри да трясины, сплошь заросшие высокою, густою, непролазною, камышевою крепью, где находили себе прекрасное обиталище дикие звери — бирюки, лисы, кабаны и др. в компании с представителями пернатого царства. Все это подавало повод мореходам, шествовавшим на своих судах мимо этого острова, прозвать его Бирючьей Косой» [Покасов 1911: 654].

Поскольку остров занимал удобное географическое положение (находился на главном судоходном фарватере при впадении р. Волги в Каспийское море), то власти решили построить на нем карантин и перевести из пос. Седлистый таможенную заставу и военную брандвахту. В 1830 г. остров вывели из подчинения калмыцкого управления и начали возводить на нем служебные постройки. В 1862 г., однако, карантин закрыли, а военный гарнизон расформировали. На острове осталась лишь небольшая группа вышедших в отставку солдат, многие из которых к этому времени успели обзавестись семьями и обустроиться. Они не захотели переезжать в другие места и научились заниматься рыболовством. Вскоре к ним «быстро стали стекаться на вольное житье при вольных водах всевозможные выходцы из средних губерний, а также, ищущие счастья...», которые также освоили рыбацкую профессию и построили себе дома [Покасов 1911: 656].

Так на острове образовалось поселение с постоянным составом жителей. Среди пришлого населения преобладали мещане г. Астрахани, но много было и крестьян из Тамбовской, Пензенской, Нижегородской, Астраханской и Симбирской губерний [Покасов 1911: 656].

К середине 1870-х гг. поселок вследствие миграционного притока населения и естественного прироста увеличился до 80 дворов, в которых числилось 255 душ; из них 140 мужских и 110 женских [Описание 1877: 77].

Рыбацкие поселения возникли также на острове Четырехбугорном. Свое название он получил от четырех бугров, покрывавших его поверхность. На трех буграх мещанами, крестьянами и купцами было устроено 3 поселка: Вахромеевский, Разбугоринский и Рынок; на четвертом бугре, под названием Вышка, находился каменный маяк, который обслуживали и охраняли смотритель и воинская команда из 6 чел. [Реверсов 1879: 41].

В 1876 г. миссионерами был учрежден на острове приют, который в первый год принял 10 некрещеных мальчиков-калмыков из Яндыковского улуса [Реверсов 1879: 43].

В 1856 г. калмыцкая администрация по поручению губернских властей собрала сведения различного характера о жителях подведомственных ей 5 ловецких поселков. Согласно «Ведомости о лицах, самовольно водворившихся на буграх калмыцких под названием Разбугоринским, Олинским и Седлистовском», в трех поселках Четырехбугорного острова (Вахромеевский, Разбугоринский и Рынок) в то время проживали 111 семей; из них 52 числились государственными крестьянами, 6 — крепостными крестьянами, 36 — мещанами и 17 — купцами. По ведомости, все они поселились в период с 1810 по 1855 г., хотя некоторые авторы датируют появление первых жителей на острове 1770-ми гг. и даже эпохой правления императора Петра I.

Более половины жителей поселков острова Четырехбугорный прибыли из сел Астраханского уезда и г. Астрахани, 6 семей — из Красноярского уезда Астраханской губернии; из других губерний на остров переселились: 17 семей из Балахнин-

ского уезда Нижегородской губернии и 4 семьи крепостных крестьян графа Шереметева из Пензенской и Нижегородской губерний [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 104. Л. 75–80].

Главным занятием жителей поселков было рыболовство, при этом только 24 хозяина вели лов рыбы самостоятельно, а 87 — нанимались на рыбные промыслы арендаторов рыболовных вод — купцов Сапожниковых. Рыболовство приносило хорошие доходы и обеспечивало достаточно высокий уровень материального благосостояния большинства населения, что, безусловно, способствовало устойчивой динамике развития поселков. За период с середины 1850-х до середины 1870-х гг. количество дворов в трех поселках острова Четырехбугорного возросло со 111 до 150 (1 326 чел.) [Описание 1877: 77].

В конце 1830-х — начале 1840-х гг. рыбацкие поселки Мочагов пополнились освобожденными из плена Бухарского и Хивинского ханств морскими ловцами. До поселения в Мочагах они претерпели много лишений. Наглядным свидетельством тому служит история олинских рыбаков. Вначале они принадлежали помещику Симбирской губернии Дурасову, который переселил их на Каспийское побережье, заставив заниматься рыболовством, затем их продали астраханской помещице Милашевой, от последней они перешли во владение к помещице Чубаровой и затем к купцам Сапожниковым. Промышляя в море на своего хозяина, они были захвачены в плен туркменами и в середине 1830-х гг. вызволены из него оренбургским военным губернатором В. А. Перовским [Покасов 1909: 587].

После возвращения в Россию ловцы потребовали от своего хозяина отпустить их на волю, но получили отказ. Тогда крестьяне обратились в суд, который после трехлетнего разбирательства решил дело в их пользу.

Отсудив себе вольную, крестьяне нашли себе покровителя в лице арендатора смежных с владениями Сапожниковых вод купца Голикова, который пригласил их на работу и жительство на остров Оля. Купец организовал им на льготных условиях прием улова, снабдил продовольствием и деньгами, обеспечил орудиями лова. Первые две семьи прибыли на остров в 1842 г., а через год к ним присоединились еще 20 семей бывших пленников [Покасов 1909: 588].

Легализация поселков и их административное и поземельное устройство

До середины XIX в. все 6 образованных на мочажных землях самовольными поселенцами поселков не встречали противодействия со стороны властей и успешно росли и развивались. В начале 1850-х гг. ситуация круто изменилась. Астраханская палата государственных имуществ (АПГИ) приняла решение начать сдавать частным лицам в оброчное содержание находившиеся в ведении калмыцкой администрации 28 островов и бугров в Мочагах, а вырученные от аренды деньги перечислять в фонд общественного калмыцкого капитала. За аренду планировалось получать ежегодно 672 руб. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 104. Л. 8].

Из числа 28 предполагавшихся к сдаче в аренду островов на шести располагались поселки самовольных поселенцев, которые считали занятые ими земли своими и никогда не платили за них денег. В 1855 г. жителям поселков Разбугоринский, Вахромеевский, Рынок, Оля, Седлстый (168 семей) предложили заключить контракты на занимаемую ими территорию, пригрозив в противном случае выселить, а землю передать в аренду рыбопромышленникам [РГИА. Ф. 383. Оп. 19. Д. 25478. Л. 2].

Ловцы, однако, отказались взять в аренду землю, на которой они жили и хозяйствовали. Тогда АПГИ приказала улусной полиции выдворить с территории поселков их обитателей, а имущество конфисковать. Но осуществить эти меры на практике не удалось, так как ловцы постоянно отлучались в море, да и добраться до островов, особенно в период распутицы, было крайне трудно [РГИА. Ф. 383. Оп. 19. Д. 25478. Л. 3].

АПГИ продолжала настаивать на удалении самовольных поселенцев и установила для них полугодовой срок (до октября 1855 г.) выселения, но и этот срок не был выполнен. В данном противостоянии самовольных поселенцев поддержала фирма «Братья Сапожниковы», на промыслах которых трудилось большинство жителей поселков, а также астраханский военный губернатор. На первых порах АПГИ поддерживало Астраханское губернское правление, но после неисполнения нескольких своих предписаний отказалось содействовать процессу выселения, предоставив решать данный вопрос администрации АПГИ

самостоятельно [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 104. Л. 80б.].

После сдачи островов в оброчное содержание жителям самовольных поселков пришлось иметь дело еще и с арендаторами. Последние добивались того, чтобы поселенцы платили им деньги за право проживания на арендуемых ими участках.

В 1857 г. попечитель Мочагов Сердюков и арендатор острова Оля купец Усачев приехали в пос. Оля и потребовали от его жителей выплачивать купцу по 80 руб. серебром в год за каждый дом, затем они объявили ловцам пос. Разбугоринский, чтобы они сломали свои жилища и выселились.

За ловцов вступился уполномоченный Комиссии Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов купец Ждановский. Он заявил, что действия властей не законны и к тому же «...лишают здешний малонаселенный край полезных людей, занимающихся морским и речным рыболовством, как главнейшим в этом крае предметом промышленности, и не соответствуют целям правительства по освоению малонаселенной территории» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 22].

По закону откупщики казенных рыболовных вод имели право не только производить уловы, но и бесплатно проживать на прибрежной территории. На это Министерство государственных имуществ (МГИ) ответило, что данное право распространяется только на территорию размером в 1 кв. версту, и то, если на этом пространстве расположены жилища ловцов и промыслы [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 40].

За используемую территорию, превышающую 1 кв. версту, жители должны уплачивать деньги арендатору. По мнению МГИ, жители поселков в калмыцких Мочагах не имели прав на бесплатное проживание и пользование землями еще и потому, что поселились самовольно, а поселки Оля и Седлистый к тому же располагались отдельно от промыслов [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 46об.].

Несмотря на предпринимаемые усилия, власти так и не сумели добиться ликвидации поселков, население которых упорно сопротивлялось выселению и отказывалось выполнять исходившие от властей распоряжения.

17 июня 1870 г. заведующий Мочагами доносил в Управление калмыцким на-

родом (УКН): «Самовольство и упорство разночинцев, проживающих по побережью Волги и Каспийского моря встречается при каждом исполнении в полицейском отношении...» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 66об.].

Когда в 1870 г. мировой посредник приказал заведующему Мочагами выслать к нему для взыскания податей из пос. Седлистый четырех крестьян, приписанных к месту своего прежнего жительства, то седлистовцы не только не выдали их, но еще и оскорбили сборщика податей.

В ответ на требования чиновников самовольные поселенцы рыбацких поселков говорили, что не обязаны выполнять их предписания, поскольку находятся в подчинении Астраханского управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами. Рыбаки отказывались исполнять приказы чиновников, даже когда признаваемое ими руководство к этому их понуждало. Когда, например, жителям пос. Рынок зачитали приказ Астраханского управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами об обязательном выполнении распоряжения чиновников полиции, то они долго и упорно не хотели давать подписку о том, что слышали упомянутый приказ [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 66об.].

Рыбацкие поселки на калмыцких землях не имели официальных, признанных властями органов власти, однако это не означало, что в них царил хаос и беспорядок в управлении. Из своей среды ловцы выбирали старост, которые были уполномочены вести переговоры с властями и вообще решать все общественные проблемы жителей поселков. 17 июня 1870 г. заведующий Мочагами сообщал в УКН: «Избирают по своему усмотрению под названием старост для разных нарядов, в некоторых поселках по третям, в некоторых — на полгода, и год, а большею частью старосты сменяются обществами этими по усмотрению, или же сами старосты оставляют свои должности по своему усмотрению, отчего часто чиновник не находит старост, а потому постоянно встречает затруднение при исполнениях — одним словом поселенцы эти управляются и разбираются между собою обществом всегда в кабаках» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 67об.].

Помимо поселковых старост, жители поселков, по распоряжению Астраханского управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами, избирали участковых старост, которые, по свидетельству заведующего Мочагами, пользовались у местного населения «совершенным уважением» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 68].

На судьбу самовольных поселков в Мочагах решающее значение оказали административные преобразования в рыбной отрасли, произошедшие в середине 1860–1870-х гг. В 1865 г. правительство в целях увеличения прибыльности рыболовства на Каспии образовало из части казенных, калмыцких и выкупленных у отдельных лиц земель одноверстную береговую полосу, передав ее в ведение Астраханского управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами.

При отводе береговой полосы 6 ловецких поселков, находившихся на калмыцких землях, в силу своего географического положения, оказались в черте одноверстной полосы и в 1873 г. были выведены из состава калмыцких земель.

28 июля 1878 г. вышло утвержденное императором Александром I положение Комитета министров «По предмету устройства поселков на прибережной полосе Каспийского моря», по которому все самовольные поселения Прикаспия легализовывались и до окончательного их устройства переводились на 24-летнюю усадьбную аренду. Оставшаяся не занятой жилыми домами и постройками земля изымалась и обращалась в общее пользование для временного пристанища ловцов и устройства промыслов [ПСЗ РИ 1880: 62]. Через год население поселков было переписано, а земля обмежевана.

Пока решался вопрос с самовольными рыбацкими поселками на калмыцких землях образовался новый поселок самовольных поселенцев. Он возник на острове Лаганский, где издавна находился рыбный промысел. Первоначально на нем проживали в основном пришлые люди, нанимавшиеся на сезонные работы и после их окончания возвращавшиеся домой. В середине 1870-х гг. часть работников решила обосноваться на Лаганском промысле на постоянное место

жительство и обратилась в МГИ с просьбой разрешить построить миссионерскую церковь. Все расходы по ее строительству взялся оплатить купец Казачков, занимавшийся в лаганских водах крупной добычей рыбы, он же выступил доверенным лицом от 9 лаганских семей, подписавших прошение о постройке церкви [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 4].

В 1877 г. церковь разрешили строить, а ободренные успехом лаганцы решили идти дальше, обратившись в 1882 г. в МГИ с просьбой об отводе земли церковному причту и школе, а также о наделении земель 9 русских семей [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 4об.].

Пока происходила переписка, население поселка росло, в основном за счет притока крестьян, мещан, купцов и отставных солдат из Астраханской, Пензенской, Саратовской и Воронежской губерний. В 1880-е гг. в пос. Лагань проживали уже 35 семей, а в 1890-е гг. — 58 [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 6].

Прибытие новых семей обострило земельную проблему. Она усугублялась еще тем, что Лагань располагалась на границе калмыцких земель и одноверстной береговой полосы, при этом все земельные угодья и большинство домов поселка находились на калмыцкой стороне, и лишь небольшая группа построек входила в пределы береговой полосы. Для лаганцев основным источником доходов и существования было рыболовство, но в то же время каждая семья для собственных нужд держала по 3–4 головы крупного рогатого скота, для содержания которого требовались пастбища и сенокосы, а они находились в пользовании калмыков [ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 541. Л. 314].

Первые поселенцы выпасали свой скот на калмыцкой земле нелегально, однако, когда поселок разросся, делать это стало намного труднее. Кочевавшие на острове калмыки, обеспокоенные быстрым ростом населения поселка, начали жаловаться властям и требовать выселения самовольных поселенцев.

Допустившее возникновение самовольного поселения на калмыцких землях, УКН вынуждено было вплотную заняться данной проблемой. Главный попечитель калмыцкого народа предложил оставить лаганцам

земли под постройками, а сенокосами наделить в береговой полосе на условиях аренды. Он также полагал необходимым ввести штрафы за нелегальный выпас скота на калмыцкой земле и учредить в поселке полицейский пост из двух стражников, возложив их содержание на лаганцев, и, кроме того, обязать каждого домохозяина вносить ежегодную плату в размере 2 руб. для содержания управления, и взять лаганскому обществу на себя отправление почтовой повинности от о. Лагань до станции Терняковская [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 6об.-7].

В случае отказа выполнить эти условия Главный попечитель калмыцкого народа пригрозил лаганцам выселить их с острова силой, а церковь перенести в другой населенный пункт.

Жители пос. Лагань сочли предложение Главного попечителя калмыцкого народа неприемлемым для себя и его отвергли, «...заявив, что они не считают возможным согласиться на предложенные условия, в то же время не согласны и покинуть занятую ими землю, пока на нем остается Божий храм» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 8].

Побывавший в 1889 г. в Лагани чиновник МВД В. И. Гиппиус после ознакомления с ситуацией на месте признал справедливым отказ лаганцев выполнить условия УКН. По итогам командировки он доложил министру внутренних дел И. Н. Дурново о том, что «...отказ посельчан от предложенных им условий ни в каком случае не может быть приписан их упорству, а вызван совершенной невозможностью принять эти условия» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 9об.].

Причиной тому было то, что лаганцам предложили гораздо меньшее количество земли, чем они пользовались до этого. Малая площадь участка делала невозможным содержание скота для домашнего обихода, а между тем молочные продукты наравне с рыбными были главными в рационе питания рыбаков. В силу сложных природных условий острова лаганцы не занимались земледелием, поэтому большинство своей продукции и многие другие продукты питания им приходилось завозить из других мест, связь с которыми осуществлялась по морю и потому была нерегулярной и ненадежной.

Предложение о предоставлении аренды лаганцам в береговой полосе В. И. Гиппиус назвал «недоразумением», так как она, во-первых, предназначалась для временного пристанища ловцов, которые использовали для своих нужд все, «что там растет»; во-вторых, право брать на ней в аренду землю распространялось только на общества поселков береговой полосы, а Лагань находилась вне ее [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 13об.].

Астраханское управление Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами выдвинуло свой вариант решения проблемы: оно предложило перенести его на береговую полосу, после чего у лаганского общества появилось бы право на положенный прибрежным ловецким поселкам земельный надел. Правда, перенос поселка Управление обусловило условием перехода переселенцев от сетевого к крючковому лову, на что лаганцы не согласились [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 14].

Власти и жители пос. Лагань не пришли к единому решению вопроса, и дело опять затянулось на годы. Между тем быстрый рост поселка продолжался: в 1900 г. он насчитывал 191 двор и 565 жителей, из которых 510 человек принадлежали к крестьянскому сословию и 55 чел. — к мещанскому. В поселке имелось 15 больших морских лодок и 105 мелких, 110 голов КРС, 50 лошадей, 20 овец и 120 свиней [НА РК. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 139. Л. 136-136об.].

В июле 1904 г. император Николай II утвердил «Правила об общественном устройстве самовольных поселков», на основе которых впоследствии были сформированы органы управления в поселках и установлено административно-территориальное деление. Поселок Лагань вместе с поселками Бирючья Коса, Рынок, Вахромеев, Разбугорье, Седлистый, Оля и другими был объединен в Бирючкосинскую волость, с центром в пос. Бирючья Коса.

Для жителей самовольных поселков легализация стала большим успехом, однако она не решила их земельной проблемы. Большинство поселков были перечислены без надлежащего земельного обеспечения, что поставило под угрозу их дальнейшее развитие. Переселенцы надеялись получить в надел ближайшие к их поселениям

калмыцкие земли, но УКН из-за несогласия калмыков не решилось пойти на этот шаг. Других земель на островах, где располагались поселки, не имелось или их было недостаточно для того, чтобы обеспечить поселения необходимым количеством земли. Жителям рыбацких поселков не оставалось ничего другого, кроме как арендовать калмыцкие земли и просить власти наделить их землями.

Заключение

История возникновения переселенческих рыбацких поселков на калмыцких землях тесно связана с развитием рыбной отрасли и отчасти с реализацией государством военно-полицейских задач на побережье Каспийского моря. Поселения возникли в Мочагах, где рельеф местности и почвенно-климатические условия не позволяют в широких масштабах развивать скотоводство и земледелие, поэтому главным источником существования местного и пришлого населения являлось рыболовство. Занятие последним было делом выгодным, что стимулировало миграцию населения в прибрежные районы Каспийского моря.

Пять рыбацких поселков на калмыцких землях выросли из рыболовецких ватаг и два поселка образовались на основе военной крепости, карантина и таможни. Среди переселенцев преобладали крестьяне, значительную часть которых составляли мещане, в меньшей степени они были представлены купцами и отставными солдатами. Большинство из них были самовольными переселенцами, поэтому основанные ими поселения не признавались государством и не имели ни административного статуса, ни утвержденных властями органов управления. Поселковые общества представляли собой самоуправляющиеся единицы, осуществлявшие связь с властями посредством выборных из своей среды старост.

Власти знали о существовании самовольных поселений, но каких-либо мер в их отношении не предпринимали. Ситуация начала меняться с середины XIX в., когда число поселков и населения в Прикаспии значительно выросло и начались преобразования в рыбной отрасли. Государственная власть вынуждена была заняться проблемой устройства ловецких поселков.

В 7 самовольных рыбацких поселках, расположенных на калмыцких землях, преобразования проводились в рамках государственной политики административно-территориального и земельного устройства ловецкого населения Каспийского побережья, начатой в 1865 г. с выделения на нужды рыбацкого населения одноверстной полосы.

Шесть поселков на калмыцких землях вошли в одноверстную прибрежную полосу и были в 1873 г. выведены из-под управления калмыцких властей, затем в 1878 г. легализованы, такие же меры, но позже, были предприняты в отношении пос. Лагань. Полностью процесс административно-территориального и земельного устройства рыбацких поселков завершился во втором десятилетии XX в.

Необходимо отметить, что политика властей в отношении самовольных рыбацких поселений на калмыцких землях отличалась от той, которая проводилась в других районах Калмыцкой степи. В Мочагах власти не настаивали на ликвидации самовольных поселений и предлагали их жителям свои варианты решения проблемы, и только если самовольные переселенцы отвергали предложенные им условия пребывания на калмыцких землях, поднимался вопрос о выселении нелегальных переселенцев. В основе такой политики по отношению к самовольным поселениям прибрежной полосы Каспийского моря, и Мочагов в частности, лежали интересы рыбной отрасли, которые могли пострадать в случае сноса поселков и удаления их жителей.

Источники

ГА АО — Государственный архив Астраханской области.
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
РГИА — Российский государственный исторический архив.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.
Russian State Historical Archive.
State Archive of Astrakhan Oblast.

Литература

- Гримм 1896 — *Гримм О. А.* Каспийско-Волжское рыболовство. СПб.: Тип. В. Демакова, 1896. 154 с.
- Записка статс-секретаря 1899 — Записка статс-секретаря Вешнякова по поездке на Волгу осенью 1898 года для ознакомления с Каспийско-Волжскими рыбными промыслами. Астрахань: [Б. м.], 1899. 49 с.
- Зубович 1896 — *Зубович П. О.* О самовольных поселках в Астраханском и Красноярском уезде // Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1894 год. Астрахань: Паров. новая рус. тип., 1896. С. 35–45.
- Лебедев 1863 — *Лебедев К. Н.* О Каспийском рыболовстве. СПб.: Тип. Штаба Отд. корпуса Вн. стражи, 1863. 136 с.
- Михайлов 1856 — *Михайлов И. И.* Астраханские ловцы // Библиотека для чтения. 1856. Отд. 1. Т. 137. С. 135–192. Т. 138. С. 113–136.
- Никольский 1898 — *Никольский А. М.* Астраханские морские ловцы: Статистико-экономическое описание. СПб.: Тип. Морского мин-ва, 1898. 174 с.
- Описание 1877 — Описание населенных мест Астраханского уезда, находящихся в ведении общей полиции // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Губерн. тип., 1877. Вып. 5. 184 с.
- Островский 1892 — *Островский М. Н.* Всеподданнейший доклад министра государственных имуществ по поездке в Калмыцкую степь Астраханской губернии в 1891 г. СПб.: Тип. Я. И. Либермана, 1892. 73 с.
- ПСЗ РИ 1830 — Полное собрание Российской империи СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии. 1830. Т. 2 (1827), 1138 с.
- ПСЗ РИ 1880 — Полное собрание законов Российской империи СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1880. Т. 53 (1878). Отд. 2. 346 с.
- Покасов 1911 — *Покасов И.* Бирючья Коса, Астраханского уезда (историко-статистический очерк села) // Астраханские епархиальные ведомости. 1911. № 17. С. 652–661.
- Покасов 1909 — *Покасов И.* Поселок Оля (прихода с. Бирючьей Косы, Астраханского уезда) // Астраханские епархиальные ведомости, 1909. № 18. С. 586–591.
- Реверсов 1879 — *Реверсов П. И.* Материалы для церковно-приходской летописи Астраханского уезда, Четырехбугоринского селения, Николаевской церкви // Астраханские епархиальные ведомости. 1879. № 3. С. 40–44.
- Ровинский 1809 — *Ровинский И. В.* Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб.: Имп. тип., 1809. 551 с.
- Сангаджиев, Монраев 1981 — *Сангаджиев П. Д., Монраев М. У.* О возникновении поселка Лагань и происхождении его названия // Исследования по исторической географии КАССР. Элиста: Калм. НИИИФЭ, 1981. С. 72–78.

References

- Astrakhan Uyezd: Description of Localities under Jurisdiction of the General Police. Series 'Transactions of Astrakhan Governorate Statistical Committee'. Astrakhan: Astrakhan Governorate Office, 1877. Vol. 5. 184 p. (In Russ.)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Chancellery, 1830. Vol. 2: The Year 1827. 1138 p. (In Russ.)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Chancellery, 1880. Vol. 53: The Year 1878. Part 2. 346 p. (In Russ.)
- Fisheries of the Caspian and the Volga: Report on State Secretary Veshnyakov's Fact-Finding Trip to the Volga, Autumn of 1898. Astrakhan, 1899. 49 p. (In Russ.)
- Grimm O. A. Fishing Industry in the Caspian and the Volga. St. Petersburg: V. Demakov, 1896. 154 p. (In Russ.)
- Lebedev K. N. On Caspian Fisheries. St. Petersburg: Special Internal Security Guards Headquarters, 1863. 136 p. (In Russ.)
- Mikhaylov I. I. Astrakhan fishermen. *Biblioteka dlya chteniya*. 1856. Vol. 137. No. 1. Pp. 135–192. Vol. 138. Pp. 113–136. (In Russ.)
- Nikolsky A. M. Astrakhan Sea Fishermen: Statistical and Economic Accounts. St. Petersburg: Ministry of the Navy, 1898. 174 p. (In Russ.)
- Ostrovsky M. N. Most Loyal Report of State Property Minister on the 1891 Journey to Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate. St. Petersburg: Ya. Liberman, 1892. 73 p. (In Russ.)
- Pokasov I. Biryuchya Kosa, Astrakhan Uyezd: historical and statistical accounts. *Astrakhanskije*

- eparkhial'nye vedomosti*, 1911. No. 17. Pp. 652–661. (In Russ.)
- Pokasov I. Village of Olya (a parish of Biryuchya Kosa, Astrakhanskogo Uyezd). *Astrakhanskije eparkhial'nye vedomosti*. 1909. No. 18. Pp. 586–591. (In Russ.)
- Reversov P. I. Astrakhan Uyezd, Chetyrekhbugorinskoe, St. Nicholas Church: materials for parish chronicles. *Astrakhanskije eparkhial'nye vedomosti*. 1879. No. 3. Pp. 40–44. (In Russ.)
- Rovinsky I. V. Astrakhan and Caucasus Governorates: Accounts of Economic and Natural Conditions Related to Agriculture, Industry and House Keeping. St. Petersburg: Imperial Printing House, 1809. 551 p. (In Russ.)
- Sangadzhiev P. D., Monraev M. U. Village of Lagan: history and origin reviewed. In: *Studies in Historical Geography of the Kalmyk ASSR*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1981. Pp. 72–78. (In Russ.)
- Zubovich P. O. On unauthorized settlements in Astrakhan and Krasnoyarsk Uyezds. In: *Peter the Great Society for the Research of Astrakhan Lands. The 1894 Annual Report*. Astrakhan: Novaya Russkaya Tipografiya, 1896. Pp. 35–45. (In Russ.)

